

Люси Мод Монтгомери

ЭМИЛИ
ИЗ
МОЛОДОГО
МЕСЯЦА

УДК 821(71)
ББК 84(7Кан)
М77

Дизайн обложки: *Крашенинникова Светлана*

В оформлении макета использованы
изображения из медиабанка Shutterstock

Монтгомери, Люси Мод.

М77 Эмили из Молодого Месяца / Люси Мод Монтгомери ; художник Е. Мельникова ; М. Ю. Батищева. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2025. — 304 с. : ил. — (Любимые истории девочек и мальчишек).

ISBN 978-5-17-173089-5

Одиннадцатилетняя Эмили жила в таком пустынном месте, что даже старая служанка жалела ее. Бледная, бедно одетая девочка бродила одна по окрестным полям, но не чувствовала себя одинокой и несчастной, потому что жила в мире фантазий, где ее друзьями были Женщина-ветер, феи и эльфы... А еще у нее были горячо любимый отец, Майк и Задира Сэл. Но когда отец умер, Эмили попала к сестрам своей матери на ферму под названием Молодой Месяц. Чувствительной и гордой девочке сложно переживания в письмах отцу, находя отдушину в творчестве. Но постепенно у нее появились друзья, и в конце концов она полюбила Молодой Месяц и его обитателей.

УДК 821(71)
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-17-173089-5

© Мельникова Е. К., иллюстрации, 2025
© Батищева М. Ю., перевод, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Любимые истории
девчонок и мальчишек

Люси Мод Монтгомери

Эмили из Молодого Месџа

Художник Евгения Мельникова
Перевод Марины Батищевой

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

2025

Глава первая

ДОМ В НИЗИНЕ

4

Дом в низине находился, как выражались жители Мейвуда, «за милую отовсюду». Он стоял в маленькой лощине и выглядел так, будто вовсе не был построен, как другие дома, а вырос, словно большой коричневый гриб. К нему вела длинная травянистая дорожка, а густо растущие вокруг молоденькие березки почти скрывали его из вида. Из его окон не было видно ни одного другого дома, хотя деревня находилась совсем рядом — за ближайшим холмом. Старая Эллен Грин считала лощину самым пустынным местом на свете и уверяла, что и единого дня там не вытерпела бы, если бы ей не было жаль «ребенка».

Но одиннадцатилетняя Эмили даже не подозревала, что ее жалеют и что она живет в «пустынном месте». Ей вполне хватало общества. Был папа... и Майк,

и Задира Сэл. И Женщина-ветер всегда бродила по близости; и были дружелюбные березки.

А еще была «вспышка». Предугадать ее приход никогда не удавалось, и надежда испытать это волшебное переживание держала Эмили в вечном волнении ожидания.

В промозглые сумерки одного из весенних дней Эмили вышла на прогулку... прогулку, которую она запомнила на всю жизнь — возможно, из-за удивительной красоты тех сумерек, или из-за того, что впервые за много недель к ней пришла «вспышка»... но, скорее всего, причиной стало случившееся потом, после того как она вернулась с прогулки.

Это был пасмурный, холодный день в начале мая, грозивший дождем, который так и не пролился. Папа весь день пролежал на кушетке в гостиной. Он сильно кашлял и почти не говорил с Эмили, что было очень необычно для него. Он лежал, заложив руки за голову, и его большие, запавшие темно-голубые глаза были устремлены с мечтательным и отсутствующим выражением на затянутое облаками небо за окном.

Эмили очень занимала мысль, о чем думает папа, когда так лежит, но она никогда не беспокоила его вопросами, если у него был сильный кашель. Ей просто хотелось с кем-нибудь поговорить. Но Эллен Грин также не была склонна к разговорам в тот день. Она только без конца ворчала, и это означало, что Эллен чем-то встревожена. Ворчала она и накануне вечером, после того как доктор долго шептался с ней в кухне, ворчала и тогда, когда давала Эмили перекусить перед сном хлебом и патокой. Эмили не любила хлеб и патокку, но съела их, потому что не хотела обидеть Эллен.

Эмили ожидала, что за ночь приступ ворчливости пройдет, как это обычно бывало; но он не прошел, так что нечего было и ожидать какого-то общения

с Эллен. Впрочем, нельзя сказать, что подобное общение когда-либо было приятным. Однажды в приступе раздражения Дуглас Старр сказал Эмили, что «Эллен Грин — толстая, ленивая и ничтожная старуха», и всякий раз после этого, глядя на Эллен, Эмили думала, что это самое точное определение, какое только можно было дать этой женщине... Так что Эмили устроилась поудобнее в старом обшарпанном уютном кресле с подголовником и весь день перечитывала свою любимую книжку о сказочном путешествии праведника в чудесную райскую страну. Сколько препятствий пришлось преодолеть этому одинокому неустрашимому герою! Эмили содрогалась от восхижительного ужаса, думая о таком испытании!

Когда Эллен объявила, что накрыла на стол, Дуглас Старр велел Эмили пойти и поесть.

6 — Сам я ужинать не хочу. Просто полежу здесь и отдохну. А когда ты, мой эльф, вернешься, мы с тобой поговорим по душам.

И он улыбнулся ей полной любви улыбкой, которую Эмили всегда находила такой милой... Поела она с удовольствием. Хотя хлеб оказался полусырым, а яйцо недоваренным, зато, как ни странно, ей было позволено посадить Задиру Сэл и Майка по обе стороны от ее стула, и Эллен только что-то ворчала себе под нос, когда Эмили давала им крошечные кусочки хлеба с маслом.

У Майка была такая прелестная манера сидеть на задних лапках и хватать кусочки передними, а Задира Сэл, когда ее очередь слишком долго не наступала, почти как человек, касалась ноги Эмили чуть повыше туфли. Эмили любила их обоих, но особенно Майка — красивого темно-серого кота, мягкого, толстого, пушистого. Сэл всегда оставалась худой, и потому ее никогда не хотелось прижать к себе

или погладить. Однако она привлекала Эмили своей таинственной красотой. Задира Сэл была серой в белых пятнах, с гладкой шерсткой, острой мордочкой, длинными ушами и зелеными глазами. Она обладала всеми качествами грозного бойца, и чужие кошки всегда терпели поражение в первой же схватке с ней.

После еды Эмили вошла в гостиную и обнаружила, что папа уснул. Она очень обрадовалась, так как знала, что он мало спал в последние две ночи, но вместе с тем была и немного разочарована тем, что они не «поговорят по душам». Разговоры с папой «по душам» всегда были такими восхитительными. Но почти такой же восхитительной казалась и предстоящая прогулка.

— Надень капор и, смотри, живо домой, если пойдет дождь, — предупредила Эллен. — Тебе с простудой шутить нельзя... не то что другим детям.

7

— Почему это? — с негодованием спросила Эмили. Почему *ей* нельзя «шутить с простудой», если другим детям можно? Это нечестно!

Но Эллен только проворчала в ответ что-то невнятное. Тогда Эмили пробормотала чуть слышно, для собственного удовлетворения: «Толстая, ничтожная старуха!» — и отправилась наверх, чтобы взять капор, — довольно неохотно, так как любила бегать с непокрытой головой. Надев полинялый голубой капор на блестящие, черные как смоль волосы, заплетенные в длинную тяжелую косу, она приятельски улыбнулась своему отражению в маленьком зеркале. Улыбка начиналась где-то в уголках ее губ, а потом заливала все лицо — медленно, таинственно, чудесно, как часто думал Дуглас Старр. Это была улыбка ее покойной матери — то, что привлекло его к Джульет Марри в момент их первой встречи и удержало навсегда. В физическом отношении Эмили унаследовала

от матери только эту улыбку. Во всем остальном — думал он — она походила на Старров... с ее большими лилово-серыми глазами, высоким лбом, тонкими чертами бледного лица, выразительным ртом и маленькими ушками, чуть-чуть остренькими — признак несомненного родства с племенами, населяющими страну эльфов.

— Я иду на прогулку с Женщиной-ветром, — сказала Эмили, обращаясь к «Эмили в зеркале». — Я хотела бы взять с собой и тебя, дорогая. Интересно, ты хоть когда-нибудь выходишь из этой комнаты?

И, послав воздушный поцелуй «Эмили в зеркале», «Эмили не в зеркале» вышла.

Женщина-ветер ждала ее за порогом дома: покачивала большие, тяжелые лапы елей и что-то шептала в зеленой дымке молоденькой листвы березок...

8 Эмили, давно не выходявшая на прогулку, была почти без ума от радости. Минувшая зима оказалась такой ненастной, а снег таким глубоким, что ей ни разу не разрешили выйти из дома; да и апрель стал месяцем дождей и ветров... так что в этот майский вечер она чувствовала себя как освободившийся заключенный. Куда же пойти? Вниз по ручью? Или через поля к еловой пустоши? Эмили выбрала второе.

Увидев Эмили, легко бегущую по голому полю, никто не позавидовал бы ей. Она была маленькой, бледной, бедно одетой, однако за ее видения, за ее чудесные мечты, вероятно, охотно отдала бы корону любая королева. Побуревшие, промерзшие травы под ее ногами были бархатным ковром. Старая обомшелая, искривленная сосна, под которой она приостановилась на мгновение, чтобы бросить взгляд в небо, была мраморной колонной во дворце, а далекие туманные холмы — сторожевыми башнями города чудес. Здесь могла осуществиться любая мечта.

К тому же на пустоши было так весело играть в прятки с Женщиной-ветром. Если бы только удалось выпрыгнуть достаточно быстро из-за купы елей — только сделать этого никогда не удавалось, — то можно было бы даже *увидеть* ее так же ясно, как обычно чувствуешь ее и слышишь. Вот она только что мелькнула здесь... ах нет, она уже смеется в самых верхушках самых высоких деревьев... Восхитительная погоня продолжалась, пока Женщина-ветер вдруг не исчезла, оставив вечер купаться в чудесном, глубоком покое, и тогда в сгустившихся на западе облаках неожиданно появился разрыв, а в нем — розовато-зеленое озеро чистого неба с серебристым серпиком молодого месяца.

Эмили стояла и смотрела на него, молитвенно сложив руки. Она должна пойти домой и поскорее занести его описание в старую амбарную книгу, где последней записью была «Беаграфия Майка». Своей красотой этот молодой месяц будет причинять ей боль, пока она не опишет его. А потом она прочитает описание папе. Только бы не забыть, как верхушки деревьев вырисовываются тонким черным кружевом на самом краю розовато-зеленого неба.

А затем, на один великолепный, величайший момент, пришла «вспышка».

Эмили называла ее так, хотя чувствовала, что название не совсем соответствует происходящему. «Вспышку» она не могла описать даже папе, который всегда бывал немного озадачен ее объяснениями. Никому другому Эмили никогда даже не рассказывала об этом.

Эмили, сколько она себя помнила, всегда чувствовала, что находится совсем рядом с миром чудесной красоты. От этого мира ее отделяла лишь тонкая завеса, отодвинуть которую в сторону было невозможно... но иногда ветер, играя с завесой, на миг

приподнимал ее край, и тогда Эмили удавалось мельком увидеть заколдованное королевство и услышать несколько звуков неземной музыки.

Этот миг приходил редко и проносился быстро, оставляя ее задыхающейся, с невыразимым восторгом в груди. Она никогда не могла возвратить этот миг... не могла вызвать его по своей воле... но чудо этого мимолетного мгновения оставалось с ней надолго. «Вспышка» никогда не приходила дважды с одним и тем же зрительным образом или звуком. В этот вечер ее вызвало кружево темных ветвей на фоне далекого неба. Раньше она приходила вместе с пронзительной нотой в реве ночного ветра, с тенью, пробежавшей по спелым хлебам, с серой птичкой, опустившейся на подоконник в грозу, с легкими морозными узорами на окне в вечерних сумерках, с удачным новым словом, когда она заносила в книгу «описание» чего-либо. И всегда, когда «вспышка» приходила к ней, Эмили чувствовала, что жизнь — нечто чудесное и таинственное, обладающее вечной красотой.

11

В стущающихся сумерках она подбежала к дому, горя желанием поскорее занести свое «описание» в амбарную книгу, прежде чем картина увиденного хоть немного поблекнет в ее памяти. Она уже знала, как именно начнет... первая фраза, казалось, сама возникла в уме: «Холм позвал меня, и что-то во мне отозвалось».

На просевшем пороге дома ее ждала Эллен Грин. Эмили была так полна счастьем, что любила в тот момент всё и всех, даже толстых и ничтожных. Она обхватила колени Эллен и крепко прижалась к ним. Эллен мрачно взглянула в восторженное личико и с тяжким вздохом сказала:

— А ты знаешь, что твоему папаше осталось жить только неделю или две?

Глава вторая

12

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Эмили стояла и смотрела в широкое красное лицо Эллен — так неподвижно, словно вдруг обратилась в камень. Румянец на ее лице угасал, зрачки расширялись, превращая ее глаза в черные озера. Эллен Грин стало не по себе.

— Я решила, что самое время тебя предупредить, — сказала она. — Я вот уж несколько месяцев твержу твоему папаше, чтоб он тебе сказал, а он всё откладывает. Я ему говорю: «Вы ж сами знаете, как она все принимает близко к сердцу. Случись вам упасть однажды замертво, это ее убьет, коли она не будет подготовлена заранее», а он говорит: «Ну, времени еще достаточно». А сам ни разу даже словечка тебе не сказал. Поэтому, когда доктор вчера предупредил меня, что конец может теперь наступить в любой момент, я сразу решила: я *сама* намекну,

чтоб тебя подготовить. Детка, да не смотри ты так! Родня твоей мамы позаботится о тебе. Семейная гордость Марри не позволит им допустить, чтобы кто-то из их родни голодал или жил из милости у чужих — хоть даже твой отец всегда был для них хуже отравы. У тебя будет хороший дом — уж получше, чем здешний. Так что не волнуйся. А что до твоего папаша, так ты должна радоваться, что он обретет покой. Он умирал медленной смертью последние пять лет. Говорят, сердце у него разбилось, когда твоя мамаша померла, — так это на него неожиданно-негаданно свалилось: и болела-то она всего три дня. Вот почему я хочу, чтоб ты знала, к чему дело идет... Да не гляди ты так! У меня от твоего взгляда мурашки по коже! Не ты первая остаешься в детстве сиротой, не ты последняя. Будь благоразумна... Ну, заходи в дом, не стой на сыром воздухе, а я тебе печеньица перед сном дам.

13

Эллен шагнула с порога, собираясь взять девочку за руку. Но Эмили с неожиданным горестным криком увернулась от руки Эллен, метнулась к двери и взлетела по темной лестнице на второй этаж.

Эллен покачала головой и вразвалочку направилась обратно в кухню.

— Ну, я свой долг исполнила, — бормотала она. — Теперь у нее есть время привыкнуть к этой мысли. Девочка она бойкая... и в этом ей повезло, если учесть все, что я слыхала про Марри. Уж еето им будет не так легко затюкать... Винить мне себя не в чем. Мало кто из женщин поступил бы так — при той жизни, что приходится здесь вести. Как этого ребенка тут воспитывали! Стыд и срам! Никогда даже в школу не посылали. Я не раз говорила ему, что я об этом думаю... так что *моя* совесть чиста... Эй ты, Сэл, как тебя там, убирайся отсюда! А Майк-то где же?

Майк в это время был наверху вместе Эмили, которая, сидя в темноте на своей кровати, сжимала его в объятиях. Терзаемая отчаянием, она находила что-то утешительное в прикосновении к его мягкому меху.

Эмили не плакала; она неподвижно смотрела прямо в темноту, пытаясь собраться с духом. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ей, что Эллен не солгала. Ох, почему бы и ей, Эмили, не умереть вместе с папой? Она не сможет жить без него.

— Я на месте Бога такого не допускала бы, — прошептала она.

Она сознавала, что очень нехорошо с ее стороны так говорить. Эллен сказала ей однажды, что нет худшего греха, чем обвинять в своих бедах Бога. Но теперь ей было все равно. Может быть, если она окажется очень грешной, Бог поразит ее внезапной смертью, и тогда они с папой по-прежнему будут вместе.

14

Но слова прозвучали, а ничего страшного не произошло... только Майк устал оттого, что его прижимают так крепко, и вывернулся из ее объятий. Теперь она осталась совсем одна — наедине со жгучей болью, которая, казалось, завладела ею целиком, но не была болью телесной. Ей никогда не избавиться от этой боли. Она даже не сможет облегчить эту боль, написав о ней в старой амбарной книге. В этой книге она писала о том, как уехала из Мейвуда ее любимая учительница воскресной школы, и о том, как трудно заснуть, когда хочется есть, и о том, что Эллен назвала ее «полоумной», когда услышала, как она говорит о Женщине-ветре; и после того как все эти события были описаны, воспоминания о них уже не причиняли ей страданий. Но теперь... об *этом* нельзя было написать.

«*Вспышка* никогда больше не придет снова... это невозможно», — мелькнуло у нее в голове.

Но Эмили унаследовала немало прекрасных качеств от своих предков... унаследовала способность бороться, страдать, жалеть, глубоко любить, радоваться, терпеть. Папа не должен догадаться, что Эллен уже обо всем рассказала ей... это причинило бы ему боль. Она, Эмили, должна молчать и *любить* папу — ах, до чего крепко! Любить его всё то недолгое время, пока он еще с ней. Она услышала, как он закашлялся, поднимаясь по лестнице. Скорей! Она должна быть в постели, когда он поднимется к ней. Эмили разделась так быстро, как только позволили ей окоченевшие от холода пальцы, и забралась в маленькую кроватку, стоящую у открытого окна. Весенняя ночь окликала ее своими нежными голосами, но Эмили ничего не слышала.

Она лежала в своей кроватке, без слез, озябшая, неподвижная, когда папа вошел в комнату. Как ужасно медленно он прошел... как ужасно медленно разделся. Как же она никогда не замечала ничего этого прежде? Но он уже совсем не кашлял. Ах, что если Эллен ошиблась? Безумная надежда вспыхнула в ее ноющем сердце. Она чуть слышно вздохнула.

Дуглас Старр подошел к ее постели. Она с радостью ощутила его близость, когда он, милый и дорогой, в своем старом халате, опустился на стул возле нее. Они так глубоко любили друг друга... не может быть, чтобы им предстояло расстаться!

— Спишь, крошка?

— Нет, — прошептала Эмили.

Дуглас Старр взял ее руку и крепко сжал.

— Тогда можем с тобой поговорить, душенька. Мне тоже не уснуть сегодня. Я хочу кое-что тебе сказать.

— Ох... я знаю! — вырвалось у Эмили. — Мне Эллен сказала.

